

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 103 (3759)

Вторник, 27 августа 1957 г.

Цена 40 коп.

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ

НА ДНЯХ в Минске состоялось вручение переходящего Красного знамени Совета Министров СССР и ВЦСПС за успехи в развитии льноводства...

Хороший ленок вырос и нынче, говорят колхозники, расстила его под обильным августовским росой...

Расширение механизации работ в льноводстве, улучшение использования земель, развитие семеноводческого и племенного дела — эти, как и многие другие вопросы, являются сейчас объектом внимания ученых...

Состоявшаяся недавно первая сессия Академии занималась, например, проблемами улучшения кормовых баз колхозов и совхозов Белоруссии...

Жизнь ставит перед наукой многие требования и в других отраслях народного хозяйства. Никогда не было такого огромного размаха строительства в городе и на селе, как ныне...

Создание в юбилейном году в Белоруссии трех новых научных центров — яркое свидетельство дальнейшего расцвета науки и культуры Белоруссии...

Распределенная Великим Октябрем Белоруссия шагнула далеко вперед и в развитии своей национальной культуры...

В. ЮРЬЕВИЧ, собственный корреспондент «Литературной газеты» МИНСК. (По телефону)

ГЕРОЯМ ПЛЕВНЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТ лет назад, в августовские дни 1877 года, русские войска вместе с болгарскими ополченцами отстояли перевал Шипку...

В самый критический момент, когда гибель Шипки казалась неминуемой, на позиции прибыли 205 русских солдат...

Победа на Шипке предопределила благоприятный исход русско-турецкой войны, когда Россия выступила в защиту болгарского народа...

В эти дни, когда болгарский народ торжественно отмечает 80-летие боев на Шипке, в Москве состоялось возложение венков к памятнику русским гренадерам...

На снимке: московские пионеры у памятника русским гренадерам, павшим под Плевной. Фото Юр. Иванова

Раскрывая тайны природы...

1 июля 1957 года начался Международный геофизический год. В содружестве с учеными многих стран советские исследователи работают в Арктике, в Антарктике, в океанах...

В Пулкове

ИДЕЯ создания искусственного спутника Земли перестала быть фантастикой. Первые запуски небольших искусственных спутников Земли предельно продвинули вперед науку...

Наблюдения за искусственным спутником Земли в Пулковской обсерватории будут вестись на открытом воздухе. Основной прибор, предназначенный для этой цели, — небольшая, выкрашенная белой краской труба АТ-1...

Как будут вестись наблюдения, что они дадут науке? Об этом рассказал нашему корреспонденту заместитель начальника Пулковской станции, научный сотрудник В. Новопашенный...

Вслед за первыми искусственными спутниками, используя накопленный опыт, можно будет запустить серию спутников различных размеров...

В Антарктике

ПОСЛЕДНИЙ месяц доставил много хлопот советским ученым. Длительная пурга, в течение которой свирепствовала в районе Мирного, закончилась в начале августа обильным снегопадом...

Очень много путей узнали герои этих книг, а ведь по каждому из этих дорог прошел один человек — писатель Борис Горбатов. Еще в 1932 году, задолго до своих больших поездок...

Он много видел, но его беспокойный характер коммуниста не позволял ему оставаться только зрителем, только наблюдателем. Первая повесть, «Ячейка», не удовлетворяет двадцатилетнего автора...

«Моя жизнь навсегда связана с «Правдой», — пишет он. «Я еду по делу. Поэтому я не только вижу, как полыхает закат над домом, выдающей плаву, — я могу и оцупать завод по-хозяйски, в деталях, по-деловому...»

По-хозяйски — это для Горбатова значило: в бою — разведчиком или корреспондентом фронтовой газеты, в Арктике — зимовщиком, в полете — членом экипажа. «Я стремился войти в экипаж равноправным членом, равным прежде всего в труде...

В одном из очерков другого автора читаем: «Трактор еще долго тархатит, задерживаясь на развороте, а успешней выкрутит папироску, сморщив, — и трактор и селки уже скрылись из вида».

любое другое небесное тело, так как скорость его полета приближается к скорости полета метеоров. На Пулковской станции момент появления спутника в поле зрения трубы АТ-1 будет отмечаться с помощью хронографа...

Жизнь первого искусственного спутника невелика. Предполагается, что он просуществовать будет две-три недели. Однако и за это время он сможет оказать большую услугу науке...

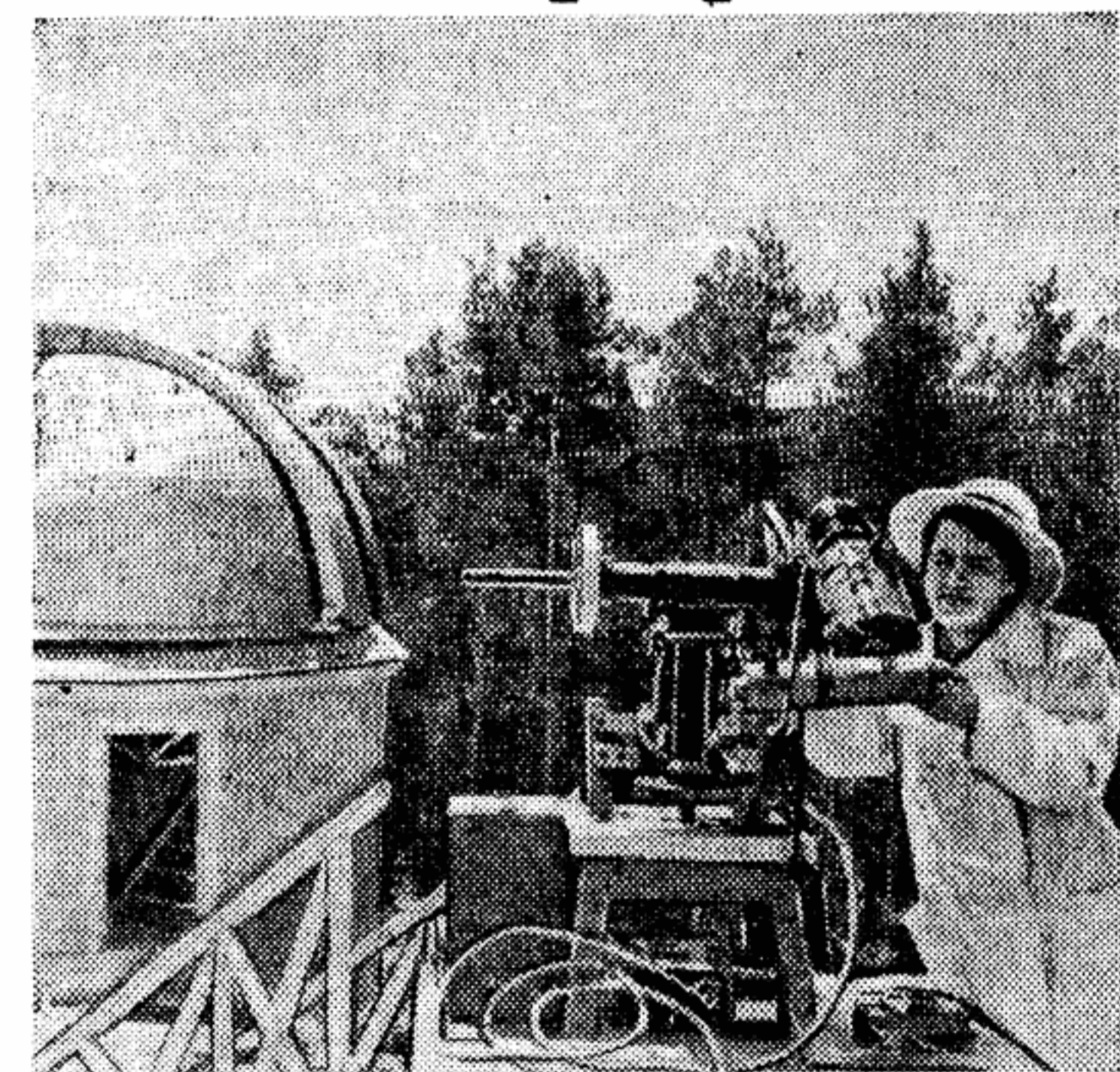
В редкие моменты, когда погода улушалась, были проведены полеты в глубь материка, совершены транспортные рейсы на антарктические станции Оазис и Пионерская...

Полный комплекс метеорологических, аэрологических и актинометрических наблюдений ведет по программе МГП аэрометеорологический отряд. Ученые гляциологического отряда вели полевые исследования...

13 июля на станции Восток-1 была зарегистрирована минимальная температура воздуха, когда-либо наблюдавшаяся на советских антарктических станциях, — 73° Цельсия.

На станции Пионерская проводятся научные работы по метеорологии, актинометрии, по магнитным и гляциологическим наблюдениям. Советская экспедиция поддерживает постоянный контакт с антарктическими станциями США, Франции, Австралии, Великобритании, Японии и Норвегии...

Сейчас коллектив станции начал готовиться к зиме, приближение которой с каждым днем чувствуется все больше.

Абстуманская астрономическая обсерватория участвует в наблюдении по программе Международного геофизического года. В ее задачу входит изучение активности Солнца, свечения ночного неба и исследование слоев озона в атмосфере...

Раз в неделю проходят радиотелефонные разговоры между Мирным и американской базой Литл-Америка...

В Арктике

В САМОМ центре Арктики на дрейфующих льдах Северного ледовитого океана вот уже пятый месяц ведут исследования полярники научной дрейфующей станции «Северный полюс-7»...

Научные сотрудники станции «Северный полюс-7», так же как и сотрудники полярных станций, расположенных на островах и побережье Северного ледовитого океана...

Гидрологи ведут наблюдения за таянием и нарастанием льда, за водной фауной, регулярно измеряют глубину океана. Полученные данные при промере глубин свидетельствуют о сложности рельефа дна океана по пути дрейфа...

Сейчас коллектив станции начал готовиться к зиме, приближение которой с каждым днем чувствуется все больше.

КОМУ НУЖНА ШУМИХА ВОКРУГ «ВЕНГЕРСКОГО ВОПРОСА»?

В ПОСЛЕДНЕЕ время появились новые возможности для ослабления международной напряженности. На заседаниях Подкомитета Комиссии ООН по разоружению советская делегация внесла ряд конструктивных предложений...

Самое существование этого «комитета» является незаконным. Решение о его создании было вынесено Генеральной Ассамблее ООН вопреки протестам венгерского правительства, вопреки мнению многих членов ООН...

Двухтомный доклад «Комитета по Венгрии», составленный по шпаргалке государственного департамента, основан на тенденциозных «показаниях» злейших врагов венгерского народа. Это 150 тысяч слов разнузданной клеветы и гнусных оскорблений венгерского народа...

К ОМУ выгодно обсуждение этого «венгерского доклада»? Импералистическим, агрессивным кругам на Западе. Эта шумиха прежде всего связана с отношением международной реакции к положению в Венгрии. Всем известно, что империалисты участвовали в организации контрреволюционного мятежа...

События в Венгрии были в свое время использованы для развертывания широкой антисоветской кампании. Нет слов, на Западе имелись люди, которые не сразу разобрались в истинном характере мятежа, развязанного реакцией. Однако теперь каждый здравомыслящий человек ясно сознает, что Советский Союз своими действиями не только помог венгерскому народу разгромить фашистские элементы...

События в Венгрии были в свое время использованы для развертывания широкой антисоветской кампании. Нет слов, на Западе имелись люди, которые не сразу разобрались в истинном характере мятежа, развязанного реакцией. Однако теперь каждый здравомыслящий человек ясно сознает, что Советский Союз своими действиями не только помог венгерскому народу разгромить фашистские элементы...

их намерений. Так, американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» с удовлетворением констатирует, что события в Венгрии породили кампанию против Советского Союза...

Осенью прошлого года, выливая ушат гаусовой клеветы на Советский Союз, на венгерский народ, западные державы стремились замаскировать свою агрессию против Бигиша. И сейчас, раздувая провокационную шумиху в связи с докладом «комитета пяти», они стараются прикрыть свои неблагоприятные действия на Ближнем и Среднем Востоке...

ПОЛИТИКА США и их партнеров поражает отсутствием трезвого взгляда на развитие международных событий. Некоторые западные руководители можно охарактеризовать известным изречением о Бурбоках, которые ничего не боялись и ничему не научились. Нынешние «бурбоки» не поняли, что венгерский народ крепко взял власть в свои руки и уверенно ведет страну по пути к социализму...

Никакой пользы шумящая пропагандистская кампания не принесет ее организаторам. Мировая общественность видит, что Советский Союз вносит конструктивные предложения по проблеме разоружения, а западные державы продолжают ставить палки в колеса. Все видит, что СССР заинтересован в демократическом, миролюбивом развитии, а Запад вооружает германских милитаристов...

П РОВОКАЦИОННАЯ возня вокруг венгерского вопроса — плохая услуга Организации Объединенных Наций, подрывающая авторитет ООН, ухудшающая перспективы на успех XII сессии Генеральной Ассамблеи...

Следует сказать, что созыв специальной сессии Генеральной Ассамблеи не вызывает энтузиазма у рядов делегаций в ООН. Агентство Пресс Траст от Индия сообщало недавно из штаб-квартиры ООН, что настоятельные требования западных делегатов провести специальное обсуждение венгерского вопроса вызвали сожаление делегаций, которые хотели бы, чтобы (Окончание на 4-й стр.)

Пять томов партийных книжек

О собрании сочинений Бориса Горбатова

«Любите их, как я их люблю»

ПЕРЕД нами — пять одинаковых томов в черных переплетах. Раскройте одну за другой эти книги, и перед вами предстанет то знойная граница, то остров в Ледовитом океане: вместе с Владимиром Кокниаки вы преодолеете «потолок летчика», чтобы затем спуститься под землю рядом с хлопчатниками из Чибирья, инуитами среди тысяч путей своей дороги в жизни...

Очень похоже значить, очень хорошо! — возражает он «снисходительным дружески». Проникнуть в сущность явления, увидеть за внешним правдоподобием большую правду жизни помогла Горбатову работа в газете.

«Моя жизнь навсегда связана с «Правдой», — пишет он. «Я еду по делу. Поэтому я не только вижу, как полыхает закат над домом, выдающей плаву, — я могу и оцупать завод по-хозяйски, в деталях, по-деловому...» По-хозяйски — это для Горбатова значило: в бою — разведчиком или корреспондентом фронтовой газеты, в Арктике — зимовщиком, в полете — членом экипажа. «Я стремился войти в экипаж равноправным членом, равным прежде всего в труде. Тяготы, неизбежные в большом перелете, ложатся на плечи всего экипажа. Я считаю честь подставить и свои плечи».

«Моя жизнь навсегда связана с «Правдой», — пишет он. «Я еду по делу. Поэтому я не только вижу, как полыхает закат над домом, выдающей плаву, — я могу и оцупать завод по-хозяйски, в деталях, по-деловому...» По-хозяйски — это для Горбатова значило: в бою — разведчиком или корреспондентом фронтовой газеты, в Арктике — зимовщиком, в полете — членом экипажа. «Я стремился войти в экипаж равноправным членом, равным прежде всего в труде. Тяготы, неизбежные в большом перелете, ложатся на плечи всего экипажа. Я считаю честь подставить и свои плечи».

«Моя жизнь навсегда связана с «Правдой», — пишет он. «Я еду по делу. Поэтому я не только вижу, как полыхает закат над домом, выдающей плаву, — я могу и оцупать завод по-хозяйски, в деталях, по-деловому...» По-хозяйски — это для Горбатова значило: в бою — разведчиком или корреспондентом фронтовой газеты, в Арктике — зимовщиком, в полете — членом экипажа. «Я стремился войти в экипаж равноправным членом, равным прежде всего в труде. Тяготы, неизбежные в большом перелете, ложатся на плечи всего экипажа. Я считаю честь подставить и свои плечи».

с папиросой в зубах для Горбатова-художника просто немилым. «Мы знали друг друга очень интимно, очень близко, как знаешь людей, с которыми делалось одно общее дело»...

Отношение автора к людям, чуткое и требовательное одновременно, становится в его произведениях мерилом человеческих отношений, критерием оценки поведения героев. Еще не настал тот день, когда комсорг Светличных, один из персонажей «Донбасса», поймет, что Виктор Абросимов талантлив, что он может творить чудеса...

Речь здесь идет не о симпатии автора к любимому герою, — это уже другой вопрос, — а о лиризме Горбатова, проливающим мягкий, теплый свет на персонажей и первого, и второго плана, убагаживающем от тех, к сожалению, нередких художественных просчетов, когда второстепенный персонаж автоматически становится второстепенным человеком.

Эта же нескрываемая любовь автора к жизни, в своих героях делает такой естественной «перебивку планов» в его повестях и романах, когда автор, ведя разговор об одном из действующих лиц, выражает свое беспокойство о судьбе другого и переходит к рассказу о нем или к беседе с ним, перерастающей иногда в своеобразную переключку с героями.

«Всена не успела еще явиться во всей своей красе: она была пока работницей — в небрежно подтопнутой холщевой запаске, с босыми зарыбынными жидкой грязью ногами; она сутулилась, хлопотала, весело выметала змыный сор с полки, ломала лед на реках, торопила ручьи талой воды, работала от зари до зари, до поздних ночных заморозков». Всена

у Горбатова так прекрасна, что напоминает человека, с упоением занятого своей работой! У каждого писателя — свое «взаимодействие» образов, к которому привыкаешь: Паустовский, например, ратует за один эпитет, Шолохов предпочитает несколько: если один передает цвет предмета, то другой — движение, величину, звук...

Горбатов напечатанно одноименных синонимичных эпитетов, сравнений, все каждый следующий образ шире, объемнее, эмоциональнее предыдущего, и вот читаем: «Это был его день. Он был царь. Он был богач. Он был мастер». Мастер — это вершина человеческого величия, мастер не по должности, а по душе. «...Любовно, интимно, как свой своего, показать рабочего человека» — об этом мечтал Горбатов, этому посвятил он свою книгу. Интимный мир героя — как широк он в жизни советского человека и как узок мы его иногда понимаем! Горбатов умел любовно показать всю его жизнь, не делая ее искусственными перегорками на «личную» и «общественную»: ведь сердце у человека — одно, и если наглухо закрыть какой-либо из клапанов, оно остановится...

Партийное поручение

ГОРБАТОВ писал в своей автобиографии: «У большевика-газетчика всегда целеустремленность, всегда масштаб, всегда коллективизм». Этим он подчеркивал то, что журналист находится в самой советской действительности, которую он имеет возможность «прощупать» собственными руками, чему он, активный участник социалистического переустройства жизни, может дать подлинно партийную оценку.

Книги Горбатова почти документальны. По неукротимому велению сердца он всегда оживлялся на переднем крае событий. В разгар Отечественной войны, когда советские люди ждали от писателей первых больших полетов, Горбатов — участник освобождения Донбасса — создает повесть «Непокоренные», называя это выполненное партийное поручение (хотя поручено ему было, как корреспонденту «Правды», прислать несколько очерков). Эта книга — гимн непокорному народу, гимн партии, идущей во главе его. В центре повести — пламенный большевик Яценко. Он только однажды появляется в книге, но эта сцена — как удар кремня, выскакивающего искру, из которой разгорается пламя.

ИЗ ОПЫТА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Странствуют ограбленные оккупантами люди в поисках «земли неразоренной». Они уже научились ненавидеть врага, но еще не умеют бороться. И вот к ним подходит незнакомый человек и рассказывает им о Сталинграде. Тарас узнает своего сына — это Степан Яценко, секретарь подпольного обкома партии, искатель «душ неразоренных». Ночью, у костра, Петушков, который долгие дни воевал в партизанском отряде, рассказывает Степану о своей жизни. Все разговоры на большой дороге кончались тоской по гранате, это он отлично знал... Но граната не швыряет гранат... Гранаты кидают мужество».

Автор поднимает читателя до точки зрения Степана, до подлинно партийной точки зрения, граничащей со свободной Голубовой публицистической точностью и образной афористичностью. Появление Степана именно в этот переломный момент (в червонные слова о гранате находились в другом месте) как бы служит ответом на страстный вопрос Тараса: «Где же вы, сыновья мои? Где вы?», поставленный в самом центре произведения: им заканчивается первая часть, он повторяется, начинается вторая. Обобщение, сделанное Степаном, создает перспективу и подготавливает дальнейший ход повествования: композиция выстраивает в стройности, исчезают «глухие переулочки» в развитии сюжета, публицистические рассуждения органически вырастают в художественную ткань произведения.

Чем глубже познает писатель жизнь, чем доступнее становится для него самое сокровенное в человеке, тем ярче партийный накал его творений. Некоторые сторонники «независимого» искусства пытаются, погружаясь во внутренний мир героя, уйти от социальных проблем, от охватившей весь земной шар борьбы за мир, за демократию. Но, чтобы их надежды оправдались, эти «супермены» превращают человека в животное. Подлинное произношение в человеческую психику, доступное только настоящему художнику, — это в то же время проникновение в мир идей, которыми живет человечество. И не безглаголивое действительности, а правдивое, партийное отражение жизни — вот что создает широчайший простор для проявления самобытности художника. Мы еще раз убеждаемся в этом, перечитывая произведения Бориса Горбатова.

Чем глубже познает писатель жизнь, чем доступнее становится для него самое сокровенное в человеке, тем ярче партийный накал его творений. Некоторые сторонники «независимого» искусства пытаются, погружаясь во внутренний мир героя, уйти от социальных проблем, от охватившей весь земной шар борьбы за мир, за демократию. Но, чтобы их надежды оправдались, эти «супермены» превращают человека в животное. Подлинное произношение в человеческую психику, доступное только настоящему художнику, — это в то же время проникновение в мир идей, которыми живет человечество. И не безглаголивое действительности, а правдивое, партийное отражение жизни — вот что создает широчайший простор для проявления самобытности художника. Мы еще раз убеждаемся в этом, перечитывая произведения Бориса Горбатова.

Встреча с бельгийским другом

«МОЕМУ» другу Андре, с которым познакомился в последние дни эмиграции в Париже, так как эпиграф к стихотворению «Мой подарок», написанному в фашистской тюрьме татарином поэтом Героем Советского Союза, лауреатом Ленинской премии Мусой Джалилем.

В светлые, радостные дни Московского фестиваля по приглашению Союза писателей СССР Андре Тиммерманс со своей супругой приехал в Москву. Естественно, что прежде всего Андре Тиммерманс побывал в гостях у жены поэта — Арины и его дочери Чулпан. До глубокой ночи слушали они рассказы Тиммерманса о жизни Джалиля в фашистской тюрьме. О том, как чувствовал себя Муса, как писал в камере стихи; — Глаза — вылитые американские, — сказал Тиммерманс, обращаясь к Чулпан.

Вместе с ним в следующие дни супруги Тиммермансы познакомились с Москвой, осматривали Кремль, Всесоюзные сельскохозяйственную и промышленную выставки, метро, побывали в театрах.

С московскими писателями Андре Тиммерманс встретился на теплоходе «Клим Ворошилов» во время экскурсии по каналу имени Москвы. Писатели Л. Леонов и В. Полторацкий от имени советских людей тепло благодарили бельгийского друга Мусы Джалиля, сохранившего его «Моабитскую тетрадь».

Находясь в Москве, Андре Тиммерманс встретился с группой татарских писателей и поэтов. Накануне отъезда из Советского Союза в честь Андре Тиммерманса и его супруги был устроен прием, на котором присутствовали жена и дочь Мусы Джалиля,

московские и татарские писатели и поэты. Председательствовавший на вечернем приеме Сергей Смирнов и Андре Тиммерманс обменялись речами.

Поклявшись Советский Союз, Андре Тиммерманс, обращаясь к провозвешавшей его делегации писателей Татарии, сказал:

— Я очень доволен поездкой в Советский Союз и прежде всего тем, что мне удалось увидеть семью моего друга, познакомиться с его товарищами, увидеть его соотечественников. К сожалению, краткость моего отпуска ограничила мое пребывание в Советском Союзе. Но я надеюсь, что в ближайшем же году мне удастся ответить на приглашение друзей моего друга и приехать в столицу Татарии — Казань, в город, где жил и работал Муса Джалиль. До новых встреч!

А. ПАВЛОВ

На снимке: жена Мусы Джалиля Арина и дочь Чулпан в гостях у Андре Тиммерманса в гостинице «Ленинградская».

Фото Юр. Иванова

60-летие

Максима Подобедова

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ Воронежа тепло отметила 60-летие писателя Максима Подобедова и 30-летие его литературной деятельности.

Максим Михайлович Подобедов родился 25 августа 1897 года в семье крестьянина-бедняка на Смоленщине. По окончании школы переехал в Москву. В 1920 году вступил в Коммунистическую партию.

М. Подобедов был работником «Гудка» и «Курской правды», выступал со стихами и рассказами под псевдонимом Михаил Суровый. В Курск Подобедов встретился с А. М. Горьким, и великий писатель дружески напутствовал молодого автора.

С 1928 года М. Подобедов живет и работает в Воронеже. Он редактирует «Неделю» — литературное приложение к областной газете, затем ежемесячник «Подъем», альманах «Литературный Воронеж», и ныне — возрожденный на новой, более широкой основе межобластной журнал «Подъем».

Творчество М. Подобедова тематически разнообразно: он стремится запечатлеть и героические страницы гражданской войны, и раскрыть пафос пятилеток. В предвоенные годы вышли сборники рассказов и очерков М. Подобедова «Эстакада», «Предвечерок», «Торжество», «На последней неделе», «Портной Мервочев» и роман «Восхождение».

Сейчас писатель работает над большим романом о колхозной деревне — «Золотое дно».

Для ускорения выпуска книг

НОВЫЙ ускоренный метод выпуска книг будет применяться с сентября на полиграфических предприятиях Министерства культуры СССР. Первым приступил к внедрению этого метода Госполитиздат, вышедший в свет новым способом двадцать пять книг и брошюр. В чем суть нового метода?

— Он в корне меняет, — сообщает корреспонденту «Литературной газеты» заместитель директора Госполитиздата С. Слюмин, — существующую ныне практику прохождения рукописей от набора до полиграфии, многочисленные исправления и переделки печатных форм обычно удлиняют сроки прохождения изданий, создают трудности в загрузке наборных и печатных цехов, и в конечном итоге ухудшается качество полиграфического исполнения книг.

Теперь издательства обязаны слевать типографии так называемый оригинал-макет, каждая строка издания, создаваемого типографией, должна соответствовать строкам и страницам будущей книги. Отсюда макет в типографии, издательство фактически тем самым заканчивает работу над рукописью и уже больше не вносит в нее никаких исправлений или дополнений. Типография же, получив оригинал, будет строго придерживаться его, сама вести корректуру и сможет верстать книгу по макету.

Новая система, примененная нами, сразу же дала большой эффект: она снизила сроки прохождения изданий в производстве в два-три раза. Вместе с тем она повышает ответственность, дисциплинирует авторов и редакторов, которые, чего греха таить, нередко полагаются на возможность «доложить» уже набранного оригинала. Типографии получают теперь возможность организовать всю работу по поточному методу, что, в свою очередь, снижает себестоимость книг и ускоряет их выпуск.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

ПОД МАЛЕНЬКИМ письмом «Наше общее дело», опубликованном в № 71 «Литературной газеты», стояли подлинными вопросами, если отнюдь не народному учреждению поучено готовить к жизни молодых граждан». Они писали о том, что давно назрела необходимость создания «Общества родителей». Это предложение вызвало много откликов среди читателей нашей газеты.

Инженер А. Мелихов из города Калинин пишет: «Общество родителей» было создано общественными организациями кружков, а помещенная для них надпись бы: у нас, например, при каждом доме есть красная углекислота. В дальнейшем общество должно быть, чтобы в каждом строящемся доме обязательно планировалось помещение для работы с детьми. «Общество родителей», несомненно, помогло бы государству в воспитании молодого поколения».

Рабочий фабрики имени К. Либкнехта из города Вязники П. Абросимов горячо поддерживает идею создания общества и добавляет: «Почему бы Министерству просвещения РСФСР не принять участия в этом деле? Воспитание детей —

важнейшая задача, решить ее только в школе невозможно. Да и не должны же заботы министерства ограничиваться только школьными вопросами, если отнюдь не народному учреждению поучено готовить к жизни молодых граждан». Они писали о том, что давно назрела необходимость создания «Общества родителей». Это предложение вызвало много откликов среди читателей нашей газеты.

Инженер А. Мелихов из города Калинин пишет: «Общество родителей» было создано общественными организациями кружков, а помещенная для них надпись бы: у нас, например, при каждом доме есть красная углекислота. В дальнейшем общество должно быть, чтобы в каждом строящемся доме обязательно планировалось помещение для работы с детьми. «Общество родителей», несомненно, помогло бы государству в воспитании молодого поколения».

ГОРЕСТИ МЕСТНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

БОЛЕЕ ГОДА тому назад владивостокские газеты сообщили о крупном событии в жизни города: состоялась первая студийная передача местного телецентра. Здесь, в городе на дальнем краю советской земли, это стало настоящим праздником, и в первые дни только и разговоров было, что об этой передаче. И хотя она, к слову сказать, оказалась далеко не во всем удачной, этого не заметили: слишком велика была пока еще ничем не ограниченная радость. Вспоминали, сколько усилий потребовало это дело от пионеров строительства местного телецентра — инженера Виктора Емельяновича Назаренко и его товарищей; как скептически поначалу относились многие к их инициативе; с какой недоверчивостью было встречено появившееся однажды в витринах магазинов объявление: «Поступили в продажу телевизоры»...

О бессонных ночах над сложными чертежами, о разных вариантах схемы передаточного устройства, о мучительных сомнениях и колебаниях энтузиастов и, наконец, о пришедшей радости успеха знали разве только сам Назаренко и его друзья да еще работники красного комитета радиопропаганды, безоговорочно порывшиеся на это начинание.

С тех пор прошло больше года. Телевидение во Владивостоке стало фактом привычным, будничным. И теперь, когда в вечерней час озаряется светом экраны в тысячах квартир (тысячах — это без преувеличения: передачи местного телецентра сегодня смотрит уже около пятидесяти тысяч человек, и не только в самом Владивостоке, но и в других городах края — Ворошилово, Находка, в бухте Саявлянка, на близлежащих островах), мало кому придет в голову вспоминать историю возникновения этого самого далекого в стране телецентра. Не вспоминали бы о ней и мы, если бы не многочисленные помехи, на которые еще и сегодня с тревогой и волнением сетуют работники местного телецентра.

ВРЕМЯ от времени в отделах культуры владивостокских магазинов появляются озабоченные юноши, всегда одни и те же. Они спрашивают, остался ли в продаже фотоаппарат, и тут же скупают его чуть ли не весь.

И вот, не спекулянтски, решившие нажиться на перепродаже хитового товара — работники телецентра. Нагруженные покупками, они спешат в следующий магазин, в третий, четвертый... Им нужно успеть возвратиться в лабораторию, потому что вечером — очередная передача, а пленку, отснятую где-нибудь в дальнем районе, проявить и фиксировать нечем.

Впрочем, это слишком громко сказано: «лаборатория». Помещение, в котором они работают, — сырой, тесный подвал, оборудованный самой примитивной техникой: старенькие, новость где добытые чаны для проявителя и фиксажа, какие-то допотопные, скорее всего, самодельные деревянные барабаны для перематывания пленки, плесень по углам, тяжелый, застоявшийся запах сырости...

Собственно, на ином, более внимательное отношение к себе съемочной группы телецентра трудно рассчитывать, потому что и сама-то она существует... на неадекватном положении. В Министерстве культуры, которое до недавнего времени занималось этими вопросами, должно быть, были глубоко убеждены, что широкий радиус действия (а территория Приморья — это несколько европейских государств, вместе взятых!) и оперативность — качества, отнюдь не обязательные для периферийного телецентра, и потому при утверждении его штатов такую группу просто не предусматривали. И до сих пор на все молбы и просьбы из Владивостока следует один и тот же стандартный ответ: не положено!

Но сами-то работники телецентра на счет возможностей телевидения несколько иного мнения: они стараются показать зрителям с максимальной широтой разнообразную, полнокровную, интересную трудовую жизнь края. Так, скажем, родилась удачная телередача о молодом городе-порте Находке: оператор А. Вергун и редактор В. Ткачев на собственный страх и риск отправившись в этот город, побывали на его новостройках, в порту, запечатлели разнообразные эпизоды сложной и напряженной жизни тружеников Находки, глубокой ночью на попутной машине возвратились во Владивосток, а на следующий день зрители уже увидели эту передачу, вызвавшую многочисленные отклики.

И в заключение: «Правильно» говорится: без хозяина дом — сирота... Помехи, скажем, в Толковом словаре русского языка, — это препятствия, затруднения, задержки. Что ж, все три значения этого слова вполне применимы в сегодняшнем состоянии местного телевидения.

Г. ХАЛИПЕДИН, главный корреспондент «Литературной газеты»

Так же создавались и многие другие интересные программы.

Отстаивать, что все эти передачи отсняты были чудим, на время позаимствованным киноаппаратом, а когда владельцы потребовали его назад, пришлось работникам телецентра несколько дней бегать по городу в поисках второго аппарата.

Но коллектив телецентра сталкивается с трудностями и тогда, когда передача идет даже непосредственно из студии: ведь ее-то, по существу, у телецентра тоже нет. Радиостудия, которой они пользуются в часы, свободные от радиопередач, для специфических условий телевидения, конечно, не приспособлена, температура здесь во время передач поднимается до 35—40 градусов, дорогие и сложные декорации приходится сразу же после передачи вытаскивать во двор и сваливать там в кучу...

И если тем не менее Владивостокский телецентр дал много по-настоящему удачных, художественно зрелых передач, то произошло это главным образом благодаря энтузиазму и исключительной находчивости работников телецентра.

Вообще, когда знакомится с деятельностью этого крайне немногочисленного коллектива, все время приходится изумляться изворотливости, энергичности и... долготерпению его работников.

Периферийных телецентров в нашей стране становится все больше. А вот необходимые условия для их деятельности часто еще отсутствуют. Сотрудникам периферийных телецентров приходится непрерывно что-то добывать, правдами и неправдами добывать, изворачиваться, лишь бы не сорвалась очередная телередача!

Если бы только эти несправедливые трудности в работе периферийных телецентров, — с горечью рассказывает директор Владивостокского телецентра К. К. Селезнев, — с ними еще можно было бы мириться...

Идет ли речь о сценарии телередачи (как известно, отличном от радиосценария и даже от киносценария), о внедрении интересных форм телередач, об освоении и совершенствовании техники, — во всех случаях работникам местных телецентров (и Владивостока в этом смысле не исключение) приходится действовать вслепую. Литературы по этим главным вопросам телевидения нет или почти нет, профессиональная учеба периферийных кадров лишь предполагается когда-то в будущем, обмен опытом (хотя бы между соседними телецентрами) совсем не налажен.

Центральная студия телевидения могла бы размножить и послать (в периферийные в отдаленные края и области страны) пленки своих наиболее значительных передач — так же, как это делается с матрицами центральных газет — на самолетах; но и этим в должных масштабах никто не занимается. Все надежды владивостокских телецентров сейчас связаны со строительством нового здания телецентра: на принципиально доверием участия его соорудят шесть министерств. Но оттого, что хозяев оказалось слишком много (а полнота, самого строгого хозяина у местного телевидения все же еще нет!), дело движется слишком медленно. В прошлом году из отпущенных 3 миллиона рублей была освоена лишь 161 тысяча, в нынешнем — 2 миллиона — чуть больше 800 тысяч.

В день, когда мы приехали на строительную площадку будущего телецентра, здесь царил трагический тишина. Девяно переруивались камни, дремал на траве крапивник...

Признаюсь, мы полумали, что нам просто не повезло, но бригадир Алексей Никитич Титов рассеял эту иллюзорную надежду.

— Если такими темпами строить, — безнадёжно говорит он, — не то что к пятидесяти годовому, но и к шестидесяти годовому не закончим. Ведь работают-то всего только восемь человек!

И в заключение: «Правильно» говорится: без хозяина дом — сирота...

Помехи, скажем, в Толковом словаре русского языка, — это препятствия, затруднения, задержки. Что ж, все три значения этого слова вполне применимы в сегодняшнем состоянии местного телевидения.

Г. ХАЛИПЕДИН, главный корреспондент «Литературной газеты»

ВЛАДИВОСТОК

В. ШАПОШНИКОВА Лес Дэвис констатирует...

ТИХО плещутся воды Оки о берег. Длинным рядом вдоль берега протянулась передняя улица села Дединово. Посреди села, на площади, среди пышно цветущих клуб сквера, стоит памятник коммунистам Шапшину, Кислову и Тарусину, отдавшим свою жизнь в борьбе за Советскую власть.

Каждый, кто приезжает в колхоз, проехав мимо этого памятника, мимо старинной башни с часами, где вместо циферблата стоят древнерусские буквы. Такие часы делала на Руси в XVII веке. Уже в те далекие годы и много столетий раньше жили на этой земле русские крестьяне. Обрабатывали поля, занимались животноводством. Страдали от произвола князей, помещиков и кулаков, разорялись, уходили на промыслы. Люди боролись за справедливую жизнь, за землю, которая принадлежала не им.

В альбоме истории села, созданном учителем дединовской средней школы Алексеем Ивановичем Фелюровым, показана эта самоотверженная борьба. Страницы истории и памятники на площади напоминают не только о жертвах, но и о победе.

Победой звучит все, что увидит тот, кто посетит сегодня колхоз имени Сталина, побывает среди людей, живущих на земле своих предков.

СЕГОДНЯ этот колхоз — один из передовых в Московской области. Сотни людей приезжают сюда со всей страны, чтобы у себя в родном краю, на своих дачах и фермах, познакомиться с опытом колхозного хозяйства, использовать его богатый опыт.

В кабинете председателя колхоза Федора Степановича Генералова на длинном столе, между банок с пальмами и народных графинов — подарок гудулов — лежат альбомы фотографий, повествующих о жизни и росте колхоза.

Здесь же хранится и книга, в которой записаны отзывы многочисленных посетителей.

Отзывы написаны на многих языках мира. Не только наших колхозников, но и зарубежных гостей интересует это хозяйство — одно из тысяч других коллективных хозяйств страны. «Очень важно для Кореиской Народно-Демократической Республики перенять богатый опыт передовых хозяйств, подобных колхозу имени Сталина...» — пишет корейский студент Чен Мун Чом. «Большое впечатление производит чистота коровников. Скот прекрасно выглядит, средний удой на корову и процент жирности отличные», — гласит короткая запись на английском языке. «Спасибо за большой поучительный день...» — выразили свои чувства делегаты Исландии.

Когда чувства дружно переполняют людей, они пишут: «...Советские друзья — наши настоящие братья. С Советским Союзом на вечные времена! — Делегация Чехословакии».

Внимательно всматривались в жизнь наших колхозников индийские гости. «...Мы ехали смотреть все это критически и в то же время пытаясь. Мы узнали многое, узнали и полюбили ваш народ. Мы глубоко прониклись вашими стараниями. Здесь все для народа... Дух бодрости и чувство счастья мы видели здесь и полны благодарности за эту неожиданную встречу...»

Делегаты Индии посетили колхоз совсем недавно, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В те же дни и венгры, и голландцы, и наши верные друзья из Китая, знакомые с жизнью советского народа, побывали на берегах Оки, среди широких просторов. Они дышали ароматом дунов, свежескошенного сена, любовались спокойной гладью реки и у клуба вместе с колхозной молодежью пели песни дружбы и псакали в кругу дружеских и мирных людей.

О РАДУШИИ и простоте этих людей говорит еще одна запись: «Это большое удовольствие — побывать здесь. Гостеприимство необыкновенное, и все 34 делегата, приехавшие

из северного Иллинойса, надолго запомнят этот визит.

Ферма, которую мы видели, очень хорошо управляется, и наши люди удивлены, увидев все оборудование. Не удивительно, что они могут достигнуть особой цели, поставленной перед ними.

Лес Дэвис, руководитель группы.

Радушие, гостеприимство — старая народная черта, она известна на протяжении многих веков, так же как и несомненно сила русского народа.

За последние четыре десятилетия советские люди убедительно показали миру эту силу. Почему же удивлялся Лес Дэвис, знакомясь с советским коллективным хозяйством? Почему удивлялись приехавшие с ним американские фермеры?

Может быть, полстав альбомы, они сопоставляли недавнее прошлое колхоза с его настоящим? Вот одна из фотографий военного времени, когда Дединово находилось в прифронтовой зоне. На фотографии запечатлен сползший набор бревенчатый сарай, в крыше которого между торчащими ключами соломы зияют провалы. Возле сарая и с сетель двери в грязь стоит телега с кадушкой, в которой на ферму возили воду.

Сараи этого давно нет. На месте его, образуя большой квадратный двор, с цветущими посредине клумбами, стоят блестящие чистой каменные коровники. Электричество, водопровод, подвесная дорога облегчили труд людей.

Возле коровников высятся круглые сооружения силосных башен, построена подвесная дорога, по которой пойдут из ферм на поля удобрения. А дальше, к лугам, рядами, за высоким, недавно насаженным валом — прочной охранный от поповодья — тянутся телятники, конные дворы, птичник, свинарня, овощехранилища. На самой границе с лугами, за садом, построены летние лагеря — крытые волынами шифером навесы, под которыми летом стоят тучные лоснящиеся коровы.

Рядом с кирпичным лопчим станом Ивана Грозного построен гараж. В него не помещаются двадцать две автомашины, и в колхозе возводятся новые гаражи.

Все это создано руками колхозников, их силами и силами государства, которое помогало артели, как и тысячам других колхозов, судами и машинами, возводило людей на их благородный труд.

Не это ли все увидели американских фермеров? А может быть, они удивлялись тому, что все виденное ими в колхозе совсем не совпадало с той пропагандой, которую настойчиво и неотступно в течение десятилетий ведет американская пресса? Ведь стоит только советскому народу взяться за какое-то новое дело, как из-за рубежа несется удюлюкание, свист, уверенность, что дело это обречено на провал.

СОВСЕМ недавно до поездки группы американцев во главе с Лесом Дэвисом в Советский Союз газета «Пост стандард» вместе с другими подвергла сомнению возможность наших колхозников логнать в ближайшем году Америку в производстве мяса, масла, молока: «Это невозможно по той простой причине, — писала «Пост стандард», — что коллективное ведение хозяйства никогда не добьется успеха». Газета вместе с тем уверяла, что американские фермеры свободны.

Что такое свобода для американских фермеров, мы хорошо помним по романам американских писателей Фрэнка Норриса и Джона Стейнбека. Они убедительно показали страдания сотен тысяч семей, согнанных со своей земли, с земли, принадлежавшей их предкам. Они показали, как безжалостно разрушался семейные очаги и люди, выброшенные из родных домов, скитались по дорогам Америки в поисках случайного заработка. Мы читали и признали чикагского экономиста Льюиса Басси, который совсем недавно заявил что за последние время снова ухудшилось положение фермеров. И тем не ме-

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «В ЗАЩИТУ ЗАБЫТОЙ НАУКИ»

О ПУБЛИКОВАВ в ноябре 1955 года статью проф. Н. Дератина и кандидата филологических наук И. Нахова «В защиту забытой науки», «Литературная газета» подняла вопрос о судьбе классической филологии в СССР. Многочисленные отклики, полученные редакцией на эту статью (часть из них была опубликована в газете), показывают, что советские люди глубоко заинтересованы в процветании науки, изучающей наследие античной культуры. Авторы статьи предлагали созвать широкое совещание специалистов по этому вопросу.

Летом этого года, по инициативе кафедры классической филологии Московского университета, такое совещание было организовано. В нем приняли участие представители девяти университетов, Академии наук СССР, крупнейших педагогических институтов и других научных учреждений страны.

На этом совещании решались организационные вопросы. Летом этого года, по инициативе кафедры классической филологии Московского университета, такое совещание было организовано. В нем приняли участие представители девяти университетов, Академии наук СССР, крупнейших педагогических институтов и других научных учреждений страны.

Среды мероприятий первостепенной важности — издание специального журнала, обеспечение издательской базы для публикации наиболее ценных научных трудов. Говорилось также о необходимости обязательного обучения латинскому языку на гуманитарных факультетах университетов и на историко-филологических факультетах педагогических институтов и т. д. В свое время уже указывалось, что Министерство высшего образования СССР и Министерство просвещения РСФСР, признавая на словах серьезность поставленных вопросов, фактически не проявляют должной заботы и деловой тревоги о нуждах «забытой науки». Отношение Министерства высшего образования к классической филологии ярко проявилось и в том, что оно сочло целесообразным созвать Всесоюзное совещание филологов, изучающих античную культуру. Когда же совещание силами энтузиастов было все-таки созвано, представители министерств не откликнулись на приглашение присутствовать на нем.

Новые стихи

Леонид МАРТЫНОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Хот
Ниче
Было
Не вернется, —
Вспоминанья никуда не денутся.

И я умел смотреть на это солнце
Глазами беззаботного младенца.
Но это было не такое солнце,
А то, что не желая закатиться,
Старается за вывески цепляться
И в следные заглядывает лица.
Я видел это меркнущее солнце
Гостиниодворца и охотнирдаца.

И я увидел
Новое светило,
Которое на бездны небосвода
О собственном восходе возвестило
Скупцам, саятошам, фронтан, спекулантам,
Когда январь Семнадцатого года
Вдруг изощел февральское метелью,
Чтоб обернуться мартом с красным бантом
И отступить, и место дать апрелю,
И маю, и июню, и июлю,
И августу, когда не от прохлады,
А без пошеды листья пламенели,
Чтоб сквоз сентябрь,
Сметая все преграды,
Пришел Октябрь в распахнутой шкени.

ДЕТИ

Какие
Хорошие
Выросли дети!
У них удивительно ясные лица!
Должно быть, им легче живется на свете,
Им проще пробиться, им легче добиться.

Положим, они говорят, что труднее:
Экзамены, всевозможные конкурсы эти.
Быть может, и верно; им, детям, виднее,
Но очень хорошие выросли дети.

Конечно, задорные это ребята,
А впрочем, по множеству признаков суда,
Мы сами такими же были когда-то —
И нас не смирение вывало в люди.

ЛИЦО ЗЕМЛИ

Хотя
Истлевшая камешка
Еще не даунути с пути,
И дело вовсе не в уменьше
Их беззаботно обойти, —
Нет у меня дурных предчувствий.
А если были, то прошли.
Я нахожу себя в искусстве
Уменьше гнать с лица земли.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Через булку французскую...

Едет булка по Франции,
Тихо спит в чемодане...
Нашу будучу
французскую
Починять я не буду...
(Е. Долматовский, Стихотворение «Французская булка», «Знамя», № 8).
Ты влекла меня,
Франция,
С незапятнанных пор! —
Вот французски
И какой-то сбор...
Вижу улочку узкую
И широкий причал...
Через булку
французскую
Я тебя изучал.
Григорий СОЛОВЬЕВ

Вот везу ее, черствую,
Не включая в меню,
Голобаю, щорствую,
Для другого хранил...
Не с вершин той
булки ли
Весь Париж я постиг?
В самописке
заблудкало —
Зачинался в ней стих...
Я пустил на простор
суд...
Это в наших руках!
Вышло, кажется,
здорово
А, по-вашему, как?
Григорий СОЛОВЬЕВ

ПРИВЫЧНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

ЧТОБЫ с самого начала знать, с кем мы имеем дело, почувствовать поэтическую силу и талант Ашота Граши, без предисловий откроем его книгу и войдем в его стихи:

В эти летние дни мне б тебя увидать!
Поле ты, что росой окропила зоря,
И в ухах твоих сербы рубиново горят,
Юной вишней качаясь, иль ты —
плыть...

В эти летние дни мне б тебя увидать!
В тонкой дымке б осенней тебя увидать!
Ты — осенний, в плодах созревающих сад,
Ты — волшебный, с тяжелой лозой
виноград,

Персиж ты, золотую развешавший прядь...
В тонкой дымке б осенней тебя увидать!
Увидать бы тебя у зымы под крылом!
Эти очи — цветы, что раскрываются
в снегах.

Эти очи — костры на холодных холмах.
Эти брови, как тучи на небе ночном...
Увидать бы тебя у зымы под крылом!

Ашот Граши не пишет о чувствах просто, его стихи (приведенные выше строки — типичный образец) метафорический, темпераментный, выпендренный, словом, экзотически «восточный», хотя эпитет этот, часто употребляемый по отношению к поэзии народов Средней Азии и Закавказья, довольно не точен: например, армянская поэтесса Сильва Батутикан пишет совсем не похоже на армянского поэта Ашота Граши, и затем, для армянского читателя в «очках-кострах» нет, вероятно, ничего экзотического.

Основная интонация А. Граши — нагнетание чувства, его, так сказать, интенсификация. Если лирический герой радуется, то обязательно восторгается. Если страдает, то почти всегда шумно; если он умилон и растроган чем-то (а такое душевное состояние очень часто в стихах А. Граши), то и сама ласковость его, размягченность, тоже интенсифицирована: она не высказывается раз, а настойчиво повторяется, она и молча кричит.

Распахнувши руки, лечь в траву
густую,
Ласточкину песню слушать золотую,
Утонуть в лазури, чистой и безбрежной,
Полевой гвоздиком молвить слово нежно;
Вновь обняться с солнцем, с ветром
крылатым,
Надышаться вволю свежим ароматом...

Во всем этом есть своя привлекающая и привлекающая к поэту сторона. Именно сильное чувство делает лирику яркой, и только благодаря накалу эмоций стихотворное изложение «кличных» переживаний поэта может стать лирическим обобщением, то есть многим людям интересной и многих людей волнующей поэзией.

Ашот Граши — безусловно талантливый поэт. Этого можно было бы и не оговаривать специально: речь ведь идет не о новичке в литературе, а о человеке, чья литературная деятельность началась почти четверть века назад, чьи стихи часто перекладывались на музыку, чьи сборники не раз выходили в переводах на русский язык, кого, наконец, хвалил старейшина армянской поэзии Аветик Исаакян. И если мы решили все-таки специально подчеркнуть все это, так для того только, чтобы из последующих наших критических замечаний нельзя было вывести впечатление, будто в них хоть в какой-то мере умешивают даровитость и заслуги поэта. Ашот Граши в армянской поэзии значит отнюдь не мало. Но именно потому и не хочется сводить разговор о его итоговом сборнике к скупному и малоплодотворному рецензированию типа: «Есть, однако, у поэта и некоторые недостатки... но, несмотря на них» и т. д.

Каждое лирическое стихотворение Граши выражает одно настроение, каждый эпитет — один цвет: роша всегда Ашот Граши, Лирика, 1934—1956. Москва, Гослитиздат.

«зеленая», небо — «синее» или «голубое»; правда, иногда — импрессионистически — может быть «голубой» трапа, но это — редко. Вот такая резкая отдаленность различных цветов и эмоций в сочетании с образцами, для нас слишком отвлеченно-высокими, слишком неправдоподобными («чистый мрамор туч», «традиционно-устойчивые обороты «восточной» поэтики («дороги души», например) — все это и создает мир поэзии Граши, мир режущих глаз красок, подчеркнутых, аффектированных чувств.

Плох ли он, этот яркий мир? Или просто своеобразен?

Мы очень уважаем и ценим как национальную специфику в литературе неповторимость национального колорита, в том числе образности «роз», «соловьев» и «дорог души», так и оригинальность поэтической индивидуальности, умеющей на основе родных себе традиций сказать людям нечто новое, еще не сказанное. Кто будет возражать против «синих кустов роз» и «чистого мрамора туч», если за ними, вернее, ими художник умеет выразить живое, оригинальное содержание. Именно так начал А. Граши как поэт и заслуженно добился признания и успеха.

Но живое содержание лирики и ее своеобразие — это движение живой души поэта, его развитие как глшапая дум и эмоций общества. Огорчительно, если поэт, начав хорошо, оригинально, содержательно, в дальнейшем только то и делает, что бесконечно варьирует раз найденное, уже не вкладывая в эти вариации ум и сердце, изображая уже не чувства, а их словесную оболочку, если поэт действует по привычке, а не по душевному расположению, не по призыву.

Ашот Граши, повторяем, уже давно стал настоящим поэтом, но, вдумываясь в его движение, его эволюцию, в то, что завоевал, что потерял — он, с трепетной заботой произнести: Граши — поэт, его талант не оскудел, а его искусство приумножилось. Но чего нет, так это новизны — прежде всего новизны содержания, образного мышления, поэтических интонаций.

На Востоке издавна укрепилось выражение «сад поэзии». Но сад хорош только тогда, когда с каждой новой клубой, каждой новой аллеей перед вами раскрываются новые цветы, новые деревья, новые краски. Если же заполнить сад одним сортом цветов или одной породой деревьев, то его красота и яркость будут радовать лишь при первом взгляде.

Ашот Граши составил очень большой сборник. Его не упрешешь в однообразия или узости тематики. Здесь стихи о Ленине, о Родине, стихи о Карабахе (великопленные стихи), стихи о любви, философские раздумья, запись бытовых впечатлений, пейзажи, здесь тема дружбы народов, тема детства, тема борьбы за мир, здесь «чистая» лирика и лирика, насыщенная «приметами времени». И по форме, смотрите: элегии, баллады, сонеты, стилизация под народные песни... И все это сделано умелой, уверенной рукой.

Однако доходя до последней странички, и возникает сомнение: а не один ли и тот же цвет мы видели, осязали и выхлзали на протяжении почти пятисот страниц — в разных вилах и расцветках, да! — но, по существу, не один ли и тот же?

В начале рецензии мы цитировали колоритные строки о любимой: она и поле, и вишня, и волшебный виноград, и все на свете, она — весь мир, во всяком случае в глазах любящего такой ее делает сама любовь. Хорошо? Хорошо. Ярко? Ярко. Но вот еще одно стихотворение о любимой. Любовь — «заря», глаза — «две виноградины», а сама она — «осен-

ний мой сад» и одновременно «мой вечный осенний мир», то есть опять-таки все на свете. Берем наудачу:

Вижу тебя я всегда и везде:
В белом жасмине, в гроздьях сирени,
В каждой снежинке, в каждой звездочке,
В каждом написанном стихотвореньи.

Хорошо? Хорошо. Запоминается? Да, но уже не столько данное стихотворение, сколько вообще... «примем»...

Критикой уже отмечено, что свои метафоры и сравнения А. Граши черпает из чудесной природы Армении. Когда поэт пишет:

Сквозь желтый зной на всех дорогах
солнца
И тополиной тенью буду плыть,
И виноградом песня обернется,
И родником, чтоб жажду утолить, —

мы отчетливо понимаем, что и виноград, и тополя, и родники — все это охуотворенные живой страстью и талантом поэта реальные особенности с детства знакомого окружения, и очень хорошо, что он не потерял ощущения красоты этих привычных деталей. Но, как говорится, раз хорошо, два хорошо, но нельзя же до бесчувствия. Хорошо раз отожествить лирического героя с ручьем, два, — но... «Хотел бы стать потоком я в ущельях родины моей», чтобы напоить деревья, мяньючки, девушку. «Я горная река... я превращаюсь в лозы и в чинары», — повторяет поэт в стихотворении рядом. «Я от души завидую ручью», — слабо разноразнообразит он этот образ в третий раз, завидуя опять-таки потоку, что ручей спешит к посевам и садам, — «и мне бы так пройти сквозь жизнь мою!».

Но это еще не все. Поэт не только повторяет одно и то же, он не только предподносит читателю один и тот же цветок: на, любящий! Поэт и другие цветы, другие чувства и мысли превращает в полюбившийся ему цветик, делает похожими на него. Это потому, что поэт слишком привык к одному и тому же слою поэтических образов, потому что ему так проще, удобнее. Но искусство в таких случаях мстит за себя.

Вот поэт вспоминает о любви и не преминул сказать: «В этот день слышались ручьями наши робкие сердца». Когда нужно передать, как страстно стремится лирический герой домой, в родные края, первым, что находится у поэта под рукой и что он не замечает, пускает в дело, оказывается опять же «ручей»: «И так же, как ты, стремлюсь я, поток, — туда я спешу, в кишучей тоске...». Негритянка из Союзненин Штатов приезжает в Москву, и «смех ее эвент рекою горной». С «мятежным, грозой пороженным потоком» сравнивает Граши творчество Лермонтова. Какая чрезмерная эксплуатация гидроресурсов!

То же самое происходит и с деревьями: Родина похожа на «посрпюющее дерево», любимая — «будто абложка в цвету», девушка — «ива, «я» — листок чинары и т. д. Штудии-песни порхают из стихотворения в стихотворение; медленно перебираются от странички к страничке многочисленные караваны (садов, туманов, гор, облаков).

Ходить по лирическому саду А. Граши, сначала вольнованный новизной и темпераментностью цветов, а потом, то и дело наткываясь на уже виденное, уже пережитое, устаешь. Волнение покидает сердце.

Мы не хотим сказать, что А. Граши должен писать сегодня так, как С. Батутикан или какой-либо другой поэт. Это было бы неверно. Пусть А. Граши пишет, как А. Граши, но не забывая о том, что труд поэта схож с трудом пытливого ботаника, открывающего все новые и новые цветы.

Ю. СУРОВЦЕВ

Кто они, эти двое? Экипаж боевого самолета или танка? А может быть, рабочие, отказавшиеся грузить вражеский аэроплан? Мунш фашистского плена не сломали этих людей. И в последние минуты перед казнью напали на упрямую силу их могучей тола, пряма и обжигающая их смелый взор. Метель, занавес, приговоренные к смерти, они до последнего вздоха не сдавали врага, верят и победу, слава им.
«Сильные смерти» — так назвал молодой советский скульптор Федор Шнейский свою работу, показанную на Международной выставке изобразительного и прикладного искусства. Жюри конкурса выставки отдало работу молодого мастера золотую медалью.

РАССКАЗЫ О БЕТАЛЕ КАЛМЫКОВЕ

ЕСТЬ писатели, творчество которых витало образы многих людей разных народов. Такие писатели, даже путешествуя, живут одной жизнью с теми, в среде которых находятся. Все это полностью можно отнести к Николаю Тихонову — поэту и прозаику.

Николай Тихонов исходил пешком много краев и республик. Он хорошо знает не только географию, скажем, Средней Азии и Кавказа, но отлично знаком с бытом людей и обычаями народов, населяющих их, лично дружен с многими рабочими, крестьянами, интеллигентами. Вот почему с таким интересом читаются его рассказы о Бетале Калмыкове, славном сыне кабардинского народа, напечатанные в седьмом номере «Нового мира».

Калмыков принадлежал к той пледе наших революционеров, которые возмужали в битвах за первое дело Октября, сделались народными героями.

Он родился и вырос в Кабардино-Балкарии, здесь же боролся за установление Советской власти. Бетал — выходец из горской семьи — не только хорошо знал тяжкий быт горцев, но и отлично разбирался в нравах и обычаях своего народа, лучшие из которых свято соблюдал. Такому человеку легко было понять горца с полуслова.

Бетал Калмыков всегo себя отдавал делу стро-

ительства социализма в своей республике. Он много сделал для своего народа, и все это снискало ему любовь и славу.

Двадцать лет тому назад, приехав в Кабардино-Балкарию, Николай Тихонов познакомился с Беталом. Он видел его в рабочем кабинете, видел беседующим с горцами, видел скачущим на коне, подобно лихому джигиту. Впечатления эти были настолько сильными, что писатель набросал их на бумаге. И вот теперь из них выросли рассказы — небольшие по размеру, но емкие, правдивые и очень поэтические.

В Нальчике, у подножия Эльбурса и в Вансанском ущелье мне довелось слышать теплые слова о Калмыкове. Народ помнит и чтит его память. И я уверен: многие по благодарят Николая Тихонова за то, что он так мастерски воскресил образ народного героя.

Было бы очень хорошо, если бы нашими писателями были созданы рассказы и о других народных героях: Уллуби Буйнакском из Дагестана, Хизре Орцханове из Ингушетии, Георгии Цаголове из Осетии, Несторе Лякобе из Абхазии и многих других. Разве не заслужили бы они, эти рассказы, хорошую службу в воспитании нашей молодежи?

Георгий ГУЛИА

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

Мы знаем немало писателей, чьи имена начинают историю нашей советской литературы, писателей, которые создавали свои книги в напряженных боях революции. Одним из таких писателей, одним из зачатей советской казахской литературы был Сакен Сейфуллин. Героика революционных лет рождала у него героические песни, влекла поэта в крутой водоворот жизни, вела его по трудным дорогам гражданской войны. С. Сейфуллин был непосредственным участником революционных событий, находился в рядах борцов с контрреволюционными силами и пел песни борьбы.

В шестом номере журнала «Советский Казахстан» помещена небольшая подборка стихотворений писателя С. Сейфуллина. Краткая вступительная статья литературоведа Е. Исмаилова рассказывает о жизни и творчестве писателя. Е. Исмаилов особенно старается выделить и подчеркнуть поэтическое новаторство С. Сейфуллина, показывая, что именно через его творчество казахская поэзия воспринимала влияние В. Маяковского. «Если говорить о благотворном влиянии новаторских традиций В. Маяковского на казахскую поэзию, — пишет Е. Исмаилов, — то нельзя пройти мимо творчества С. Сейфуллина, в котором ярче всего сказалось это влияние. Обычно принято говорить, что традиции Маяковского видны в нашу поэзию С. Мукановым. Но С. Муканов сам многому учился у С. Сейфуллина и через его творчество пришел к овладению традициями Маяковского».

Вряд ли, конечно, следует ставить вопрос так: кто первый воспринял традиции Маяковского? Это неправильно. Суживает проблему литературных влияний и взаимосвязей. Но для того, чтобы получить представление о литературном процессе в целом, безусловно, необходимо по-настоящему изучить творчество наиболее значительных и своеобразных художников. Редакция журнала «Советский Казахстан» и автор статьи вполне своевременно вспомнили в этой связи о таком писателе, как С. Сейфуллин. В истории нашей национальной литературы, к сожалению, еще есть пробелы. Их надо заполнить.

В подборке помещены два стихотворения С. Сейфуллина и отрывки из поэмы «Кочке-тау».

Все познав — и нуду, и балы, —
Мы дождались своей весны, —
вот в чем пафос стихотворений С. Сейфуллина революционных лет. В поэме о Кочке-тау писатель поэтически перерабатывает легенды о прошлом Казахстана и затем рассказывает читателю о современном Кочке-тау, о крае, где

Горят над озером и в зелени мелкаят
Спящие «лапы»
Эпохи нашей ясные
отметки.

К сожалению, вещи, напечатанные в журнале, не дают достаточно полного представления о творчестве писателя. Следовало бы предложить читателю и больше число стихотворений, и более тщательно поработать над переводом.

Надо надеяться, что редакция не ограничит сделанным и продолжит публикацию произведений С. Сейфуллина. В только что полученном в Москве № 7 «Советского Казахстана» помещены отрывок из поэмы «Кюшун» другого начинающего казахского советского поэта — Ильаса Джамусулова и статья о нем Х. Бекхожина. Остается пожелать журналу успеха в этом нужном деле.

ЛИТЕРАТОР

Пять томов партийных книжек

(Омичанке. Начало на 1-й стр.)

Горбатов, к примеру, почти не прибегает к тщательному исследованию оттенков чувств и переживаний героя (что так присуще скажем, Фадееву), но у него чисто «внешние» детали раскрывают внутренний мир человека. Когда писатель обращается к прямому психологическому анализу, он не рассказывает обо всем психическом процессе, а выхватывает один-два момента, одно звено цепи, естественно, наиболее важное. А так как по одному моменту, одной мысли довольно получить возможно более полное представление о всем психическом процессе, то мысль эта ищет краткого, точного выражения. Так рождаются горбатовские афоризмы — изречения, окрыленные партийным отношением к жизни. Это Горбатову принадлежат слова: «А о партии нельзя писать скупно, о партии надо писать вдохновенно и поэтично».

Сущность подвига

ГЕОГРАФИИ обнаруживают новые земли. Геологи — новые залежи руды и угля. Писатель, говорил Борис Горбатов, открывает ценности в недрах человеческих душ, и поле его деятельности безгранично. «Обыкновенная Арктика»... «Я должен откровенно признаться, что название сначала разочаровало меня. Арктика? Айсберги, белые медведи, домики из снежных блоков... все это столько раз уже описывали норвежские и другие полярные исследователи!.. В Ваших рассказах тоже повествуется об айсбергах, белых медведях и снежных домиках, однако то, что Вы называете «Обыкновенной Арктикой», предстает перед нами как новый мир, таинственный и волнующий», — так писал Бернгард Келлерман Борису Горбатову. Речь идет о художественном открытии, казалось бы, уже давно знакомого края: Горбатов первым увидел и показал, как величественные свершения людей, строящих социализм, стали обыкновенным делом там, где до этого видели только белое безмолвие.

Писатель видит самое большое чудо нашего времени — труды и дни простого советского человека. Безграничны возможности обогащения характера в условиях нашей действительности, говорит Горбатов, всем своим творчеством. Он смело изображает такие ситуации, «где люди находятся в состоянии наивысшего напряжения своих человеческих качеств, — на фронте, на зимовке в Арктике, в далеком плавании, в острой политической борьбе или... в дни накаливающего трудового подвига», как писал он в «Донбассе». Он не скрывает, что в такой обстановке обнаруживаются и Цыпьяковы, способные зарыть в землю партийный билет и партийную совесть, и Новожиловы, которые в любой воде жить могут — «и в соленой, и в пресной, и в мыльной», и Рудины, пытающиеся выдать за патриотизм свой «сельтерский

энтузиазм». Но, как и его любимые герои — Рыбинин, Степан Цыцено, Нецакено, Вара Богатырева, — он видит главное: трудности борьбы закаляют наш народ.

«Наидидаты в герои» — эти слова появились в заметках Бориса Горбатова, когда он, корреспондент «Правды», колся по стране, встречался с тысячами обыкновенных людей. Перелистайте газеты тридцатых годов, и вы встретите там немало очерков Б. Горбатова о самых различных людях, нашедших свое место в жизни. Вам попадет даже имя того Васки Хана, портрет которого увидит в газете Костя Лобас, один из героев «Обыкновенной Арктики», и будет изумлен: бывший бродяга стал ударником Василием Хановым.

И может быть, никто из писателей не возвращался так часто, как Горбатов, к людям тяжелого характера и трудной судьбы. Антон и лейтенант Василий Богатырев в песнях, Павел Важанов и Андрей в «Непокоренных», Витя Абрисомов из «Донбасса», и, наконец, его духовный старший брат — Гайдаш, которого автор заботливой рукой перевел из «Ячейки» в «Мое поколение», чтобы затем его именем назвать целую повесть (истати, Г. Колесникова и К. Симонов ошибаются, утверждая в своих статьях и комментариях, что «Алексей Гайдаш» — произведение незаконченное) и снова встретится с ним в одном из «Рассказов о солдатской душе». Битва, которую вели за Алексея десанты трех советских людей, выграна: Советская Армия, носительница самого высокого гуманизма, поставила Гайдаша на верную дорогу. Это за ним, комиссаром Алексеем, идут в атаку бойцы, освободив от фашистов родной Донбасс. Танин стал Гайдаш через десять лет после того, как мы расстались с ним, делаящими только первые шаги по дороге «красной и правильной».

А ведь после выхода в свет «Моего поколения» критики, слоноразглагольствования писателя «форсировать» продвижение его героев, один советовал поскорее назначить Семчика начальником милиции, другой — «энергию Алешин направить на завоевание пустынь Арктики» и присвоить ему «звание Героя нашего Союза». А в это время писатель склонялся над смертельно раненым Семчином — рядовым милиционером и затем тяжело переживавшим неудачу Алексея — простого бойца, к тому же «дергуна» и по манере стрельбы, и по характеру. Он знал, как труден и тернист путь к подвигу, верил в силу и способность советских людей преодолеть любые трудности и видел в них не кандидатов на подвиги и звания, а кандидатов в герои. Он умел передавать красоту и сущность подвига — ратного и трудового, вера, что найдет отклик в сердце читателя. «Наш советский читатель...», говорил Горбатов, обращаясь к товарищам из Казахстана, — сам — работник-строитель, и он не может не интересоваться тем, как трудятся другие люди».

Кого не взволнует сцена в «Донбассе», где Виктор Абрисомов устанавливает рекорд доброты угля! Автор вынашивал ее целых пятнадцать лет. Сначала очерк «Никонор — Востоку» (1935), повествующий о забоещине Алексее Стаханове и парторге Константине Петрове. Накануне войны Горбатов заканчивает работу над сценарием «Жили два товарища». Смерть прервала работу писателя над романом о Донбассе. Вместо известных всей стране людей в забое — два безвестных парня из Чибиряк. «Не громкое имя, а громкое дело привлекает сердца наших юношей; не слава подвига, а сущность подвига», — эти слова из статьи Горбатова, написанной для «Комсомольской правды», могут объяснить выбор героя в большинстве произведений писателя. Виктор устанавливал рекорд, Андрей же «только освещал путь своей лампочкой, совсем близко поднося ее к уголку...» И когда Виктор вдруг сбился, терял струю, Андрей молча показывал ее лампочкой. Он, как штурман, прокладывал товарищу путь в излучинах и извилинах угольной реки, путь к победе и славе. Это «только освещал путь» — уже от Андрея, от его скромного и шедрого характера, а последующее сравнение делает сцену почти символической.

И сразу понятнее и ближе стали нам и Виктор с его мечтами о красном жизненном пути, о подвигах, о славе, и Андрей с его изумительной способностью все отдавать другим и от этого становиться духовно еще богаче, и другие труженики «Круглой Марии» — простые советские люди, в решающий момент поддержавшие Виктора. И как обострился конфликт между Андреем, у которого зародился мечта, чтобы рекорд перестал быть рекордом, и карьеристом Рудиним. А ведь перед нами прошло лишь описание рабочего места шахтера.

Романист не спускает на «производственных» подробности: здесь и гул молотка, и смазка, и шахтерская лампочка, и «клякван», и многое другое, но каждая из этих деталей, создающих в совокупности наглядную картину труда, «работает» на раскрытие характеров, красоты человеческих отношений, мудрости партийного руководства, силы коллектива, воспевавшего романтику трудового подвига. Хорошо этой особенности романов Горбатова сказала читательница Назарова, мать двоих детей: книга «научит их, как надо бороться за рабочее место в жизни».

Да, не о рабочем месте самом по себе, а о рабочем месте в жизни ведет Горбатов разговор с читателем — «по душам и по существу».

Кому не взволнует сцена в «Донбассе», где Виктор Абрисомов устанавливает рекорд доброты угля! Автор вынашивал ее целых пятнадцать лет. Сначала очерк «Никонор — Востоку» (1935), повествующий о забоещине Алексее Стаханове и парторге Константине Петрове. Накануне войны Горбатов заканчивает работу над сценарием «Жили два товарища». Смерть прервала работу писателя над романом о Донбассе. Вместо известных всей стране людей в забое — два безвестных парня из Чибиряк. «Не громкое имя, а громкое дело привлекает сердца наших юношей; не слава подвига, а сущность подвига», — эти слова из статьи Горбатова, написанной для «Комсомольской правды», могут объяснить выбор героя в большинстве произведений писателя. Виктор устанавливал рекорд, Андрей же «только освещал путь своей лампочкой, совсем близко поднося ее к уголку...» И когда Виктор вдруг сбился, терял струю, Андрей молча показывал ее лампочкой. Он, как штурман, прокладывал товарищу путь в излучинах и извилинах угольной реки, путь к победе и славе. Это «только освещал путь» — уже от Андрея, от его скромного и шедрого характера, а последующее сравнение делает сцену почти символической.

И сразу понятнее и ближе стали нам и Виктор с его мечтами о красном жизненном пути, о подвигах, о славе, и Андрей с его изумительной способностью все отдавать другим и от этого становиться духовно еще богаче, и другие труженики «Круглой Марии» — простые советские люди, в решающий момент поддержавшие Виктора. И как обострился конфликт между Андреем, у которого зародился мечта, чтобы рекорд перестал быть рекордом, и карьеристом Рудиним. А ведь перед нами прошло лишь описание рабочего места шахтера.

Романист не спускает на «производственных» подробности: здесь и гул молотка, и смазка, и шахтерская лампочка, и «клякван», и многое другое, но каждая из этих деталей, создающих в совокупности наглядную картину труда, «работает» на раскрытие характеров, красоты человеческих отношений, мудрости партийного руководства, силы коллектива, воспевавшего романтику трудового подвига. Хорошо этой особенности романов Горбатова сказала читательница Назарова, мать двоих детей: книга «научит их, как надо бороться за рабочее место в жизни».

Да, не о рабочем месте самом по себе, а о рабочем месте в жизни ведет Горбатов разговор с читателем — «по душам и по существу».

Кому не взволнует сцена в «Донбассе», где Виктор Абрисомов устанавливает рекорд доброты угля! Автор вынашивал ее целых пятнадцать лет. Сначала очерк «Никонор — Востоку» (1935), повествующий о забоещине Алексее Стаханове и парторге Константине Петрове. Накануне войны Горбатов заканчивает работу над сценарием «Жили два товарища». Смерть прервала работу писателя над романом о Донбассе. Вместо известных всей стране людей в забое — два безвестных парня из Чибиряк. «Не громкое имя, а громкое дело привлекает сердца наших юношей; не слава подвига, а сущность подвига», — эти слова из статьи Горбатова, написанной для «Комсомольской правды», могут объяснить выбор героя в большинстве произведений писателя. Виктор устанавливал рекорд, Андрей же «только освещал путь своей лампочкой, совсем близко поднося ее к уголку...» И когда Виктор вдруг сбился, терял струю, Андрей молча показывал ее лампочкой. Он, как штурман, прокладывал товарищу путь в излучинах и извилинах угольной реки, путь к победе и славе. Это «только освещал путь» — уже от Андрея, от его скромного и шедрого характера, а последующее сравнение делает сцену почти символической.

И сразу понятнее и ближе стали нам и Виктор с его мечтами о красном жизненном пути, о подвигах, о славе, и Андрей с его изумительной способностью все отдавать другим и от этого становиться духовно еще богаче, и другие труженики «Круглой Марии» — простые советские люди, в решающий момент поддержавшие Виктора. И как обострился конфликт между Андреем, у которого зародился мечта, чтобы рекорд перестал быть рекордом, и карьеристом Рудиним. А ведь перед нами прошло лишь описание рабочего места шахтера.

Романист не спускает на «производственных» подробности: здесь и гул молотка, и смазка, и шахтерская лампочка, и «клякван», и многое другое, но каждая из этих деталей, создающих в совокупности наглядную картину труда, «работает» на раскрытие характеров, красоты человеческих отношений, мудрости партийного руководства, силы коллектива, воспевавшего романтику трудового подвига. Хорошо этой особенности романов Горбатова сказала читательница Назарова, мать двоих детей: книга «научит их, как надо бороться за рабочее место в жизни».

Да, не о рабочем месте самом по себе, а о рабочем месте в жизни ведет Горбатов разговор с читателем — «по душам и по существу».

Кому не взволнует сцена в «Донбассе», где Виктор Абрисомов устанавливает рекорд доброты угля! Автор вынашивал ее целых пятнадцать лет. Сначала очерк «Никонор — Востоку» (1935), повествующий о забоещине Алексее Стаханове и парторге Константине Петрове. Накануне войны Горбатов заканчивает работу над сценарием «Жили два товарища». Смерть прервала работу писателя над романом о Донбассе. Вместо известных всей стране людей в забое — два безвестных парня из Чибиряк. «Не громкое имя, а громкое дело привлекает сердца наших юношей; не слава подвига, а сущность подвига», — эти слова из статьи Горбатова, написанной для «Комсомольской правды», могут объяснить выбор героя в большинстве произведений писателя. Виктор устанавливал рекорд, Андрей же «только освещал путь своей лампочкой, совсем близко поднося ее к уголку...» И когда Виктор вдруг сбился, терял струю, Андрей молча показывал ее лампочкой. Он, как штурман, прокладывал товарищу путь в излучинах и извилинах угольной реки

